

Цинь Цзюнь криво усмехнулась:

— Изначально и не думала в такую стужу являться ради сей поддельной изысканности, уже отписалась с отказом. Но кто ж знал, что пару дней назад получу разом больше десятка приглашений, будто с иероглифом «слива» на них выжжено? Как же не явиться? Не прийти — не показать ли всем, что я невежа и неучтива?

Вокруг раздался сдержанный смешок. Сунь Мэй, почувствовав, что потеряла лицо перед принцессой, поморщилась. Сама же разослала десятки карточек, дабы привлечь принцессу и придать вес своему собранию, а теперь, когда та явилась, позволила себе язвительность. Теперь же, будучи разоблачённой, наверняка навлечёт на себя пересуды о том, что, пользуясь властью отца-великого наставника, творит что хочет.

Сунь Мэй отпустила руку Цинь Цзюнь:

— Лодчонка слишком тесна. Пусть принцесса плывёт одна.

Едва Сунь Мэй договорила, как её оттеснили:

— Не стоишь ты тут, дорогу загораживаешь!

— Верно, верно! — подхватила другая. — Как можно так пренебрегать столь драгоценной гостьей, как принцесса?

— Ты!.. — гневно воскликнула Сунь Мэй, окидывая взглядом говоривших — одну удельную княжну с земель Юньань и одну дочь действующего чиновника третьего ранга.

Среди придворных сановников не было гражданского чина выше, чем у семьи Сунь. Местные могущественные роды, владеющие уделами — что они вообще значили? В Цинь-Чжоу лишь Верхняя столица была истинным центром процветания, и лишь принцесса могла сравниться с ней по статусу. «Ишь, налетели, словно мухи на мёд, — мысленно ругалась Сунь Мэй. — Льстите, так льстите!»

— Кто же разделит со мной лодку? — громко спросила Сунь Мэй.

Ни одна из знатных девиц не откликнулась — все, разбившись по двое-трое, уже рассаживались по лодкам и отплывали.

Сунь Мэй осталась позади всех, и лицо её становилось всё мрачнее. — Да ведь это же я устроила пиршество с цветущей сливой! — в сердцах топнула она ногой.

— Госпожа! — К ней подошёл стражник, держа в руке нефритовую подвеску.

Сунь Мэй гневно сверкнула глазами:

— Чего?!

Стражник протянул подвеску:

— На берегу осталась ещё одна повозка без опознавательных знаков.

Сунь Мэй приняла подвеску и осмотрела её. На лицевой стороне была вырезана парчовая птица и золотой ворон, на обороте — восходящее солнце. Золотой ворон и восходящее солнце символизировали власть — в этом она всё же разбиралась. Нефритик сразу пришёлся ей по

душе. — Ли из Цзянчжоу? Что ж, сейчас же извинюсь!

Стражник повёл её вперёд, и Сунь Мэй засемила следом, но увидела лишь вороного коня, запряжённого в потрёпанную повозку, а возница был одет хоть и опрятно, но очень просто.

Сын Неба выезжал на восьми конях, принцесса — на шести, сановники первого ранга и князья крови могли использовать четвёрку или шестёрку, а зажиточные простолюдины — пару. Что означала эта одна-единственная лошадь? Не иначе, наложница из семьи Ли? Неудивительно, что на придворных приёмах она её не заметила.

На лице Сунь Мэй отразилось презрение:

— Кто такая?

Дядюшка Ван ответил:

— Докладываю, госпожа: из резиденции Ли.

Занавеска повозки не поднималась. Сунь Мэй недовольно сказала:

— И не выйдешь? Ждать, пока я приглашу?

Дядюшка Ван потянулся и приподнял занавес. Внутри, в роскошных одеждах, сидела Цзи Сы, подперев голову рукой, лишь недавно пробудившаяся от лёгкой дремоты. Открывая глаза, она излучала лёгкую, едва уловимую прелесть, ещё не совсем отойдя ото сна.

Сунь Мэй замерла, невольно покраснев:

— Ты... ты...

Цзи Сы изящно подняла руку, и её тонкое, изящное запястье было бережно поддержано сложенными ладонями дядюшки Вана. Сойдя с повозки, она поправила рукава:

— Я здесь.

— А... — Сунь Мэй опомнилась. — Да, здесь.

Цзи Сы улыбнулась ей:

— Тогда пойдём.

Сунь Мэй, ошеломлённая, позабыла спросить о статусе незнакомки и, как заворожённая, зашагала с ней рядом, то и дело поглядывая на Цзи Сы.

Дядюшка Ван отвёл коня в сторону, открывая вид на удаляющиеся спины двух женщин.

Манеры Сунь Мэй, как ни странно, в сравнении с Цзи Сы казались куда менее изысканными. Внешность Сунь Мэй не была выдающейся, но, наслушавшись лести, она, ослеплённая, считала себя редкой красавицей, просто прекрасной в своей, нетрадиционной манере. Увидев же Цзи Сы, она наконец поняла, какова истинная, классическая красота: тот изящный наклон головы, тот взгляд исподлобья, где каждый жест дышит очарованием, та тонкая, гибкая, как ива, талия.

Командир патруля, объезжавший берег верхом, вернулся после десяти ли, чтобы смениться, и

как раз увидел Цзи Сы и Сунь Мэй. Их одеяния — снежно-белое и сливово-красное — так ярко выделялись на фоне столичной моды, где в пустословии предпочитали носить простые белые одежды.

— Кто это? — спросил командир.

— Господин командир, это госпожа Сунь и дама из семьи Ли, — ответил стражник. — Поскольку приглашения у неё не было, госпожа Сунь сама вышла её встречать.

Командир вспыхнул:

— Раз приглашения нет, ты выяснил, откуда она?

Стражник опешил:

— Я... я подумал, раз сама госпожа Сунь...

— Бездарь! — рявкнул командир, развернул коня и помчался вдогонку.

Небольшая лодчонка внезапно скользнула по ледяной реке. Служанка, управлявшая шестом, работала веслом, и на воде расходились круги.

— Кто это кричит? — спросила Сунь Мэй.

Цзи Сы мягко улыбнулась:

— Разве?

Сунь Мэй удивлённо обернулась и увидела, как командир, бросив коня на берегу, с помощью цигуна помчался по поверхности воды.

— А-ах! — вскрикнула Сунь Мэй.

Цзи Сы даже не обернулась. Полы её одежды лишь слегка колыхнулись, как от лёгкого ветерка, а ладонь её, излучая внутреннюю силу, мягко ударила по воде. Поверхность воды прогнулась, зимние рыбы на дне отреагировали резким взмахом хвостов, и лодка вдруг рванула в сторону, причалив к берегу.

Служанка с веслом застыла в полном недоумении. Сунь Мэй же с изумлением наблюдала, как командир шлёпнулся в воду, превратившись в мокрую курицу.

В глубине сливового леса.

Сунь Мэй привела Цзи Сы в шатёр. Получив накануне её визитную карточку, она предположила, что та из семьи Ли из Цзянчжоу, и после долгих раздумий поставила её стол справа от места принцессы. Не ожидая, что окажется наложницей, она уже хотела указать ей на какое-нибудь место в самом конце, но Цзи Сы уже направилась прямо к тому пустому столу.

— Твоё место в конце, эй!.. — Сунь Мэй протянула руку, чтобы схватить Цзи Сы, но ухватила лишь край рукава, выскользнувший из её пальцев.

В шатре, защищённом от снега, пылал жаровня. Перед каждой знатной девицей стояло небольшое блюдо со свежесрезанным жареным ягнёнком, палочки для еды были украшены

резьбой и инкрустированы золотом и серебром, а изящные крошечные чашечки для вина выглядели особенно утончённо.

Но прежнее оживление исчезло. Все с любопытством разглядывали женщину, которую привела Сунь Мэй.

Все собравшиеся на сливовом пиру были знатными девицами, каждая — особы высокого происхождения. Цинь Цзюнь восседала на почётном главном месте, засунув руки в рукава, прижимая к себе грелку, сонная и лениво развалилась на низком ложе, застланном овечьими шкурами. Хотя она сидела совсем не по-церемонному, казалось, она превосходила всех этих девиц в благородстве.

Цинь Цзюнь, почти задремав, увидела Цзи Сы и подумала, что это сон.

Но Цзи Сы приближалась всё ближе, слегка прищурила глаза и улыбнулась ей. И Цинь Цзюнь невольно выдала себя.

Цинь Цзюнь: «...»

— Кхм, — Цинь Цзюнь выпрямилась, потирая глаза. — Что случилось?

Командир, весь в ледяной воде, ворвался внутрь, зубы его стучали от холода. Он указал на Цзи Сы и закричал:

— Принцесса, осторожно! У этой особы нет приглашения, она пытается проникнуть на пиршество!

В шатре поднялся шум.

Знатные девицы зашептались, прикрываясь веерами или рукавами:

— Кто это? Убийца?

— Не похоже, не похоже.

И поскольку это было совсем непохоже, перешёптывания продолжились.

— Эй, ты!.. — Сунь Мэй думала, что Цзи Сы направится к столу в первом ряду, но та двинулась напрямиком к самому почётному месту в шатре — главному сидению.

Другая девица потянула Сунь Мэй за рукав, усаживая её:

— Тсс!

— А?

— Может, старшая дочь какого-нибудь князя крови?

Командир вытаращил глаза, затем в панике повалился на колени, ударяясь лбом о землю:

— Этот низкий чиновник осмелился оскорбить знатную девицу! Молю, простите это преступление!

Цзи Сы была сегодня в новом платье, которое заказала для неё Цинь Цзюнь. Длинные, до пола,

широкие рукава, чередующиеся красные и белые ярусы юбки, распускавшиеся, словно цветы, и водно-синяя шаль, небрежно перекинута через руку, — всё это делало её прекраснее самих цветов.

Красный цвет шёл ей. Цинь Цзюнь вспомнила свою встречу с ней во сне: женщина на коне, в облегающем красном одеянии и развевающимся плаще, чёрные волосы свободно разметались по ветру. В тот миг, когда её губы тронула лёгкая, не то насмешливая, не то загадочная улыбка, она лишь слегка взмахнула рукой — и за её спиной тысячи коней, вздымая копыта, обрушились с неодолимой силой.

И сейчас Цзи Сы стала самой яркой, самой ослепительной снежной сливой в этом сливовом саду.

Цинь Цзюнь приподнялась, освобождая половину ложа для неё. Но Цзи Сы сама взяла плетёный соломенный коврик, какой используют слуги, опустилась на колени у её ног и, подобрав рукава, принялась подогреть для неё вино.

Цинь Цзюнь: «...»

Все присутствующие: «...»

Сунь Мэй: «...»

Ох? Неужели... рабыня?

—

— Ты... ты рабыня?! — командир был потрясён, поднялся на ноги и с гневом уставился на Цзи Сы.

Рабыня? И посмела так открыто войти и расположиться рядом с принцессой, как ни в чём не бывало подогреть вино? Да у неё же аппетиты-то какие!

Сунь Мэй от злости чуть не лопнула. Вспомнив, как сама вышла встречать на берегу какую-то рабыню и как та ещё и затмила её, ярость в её сердце разгоралась всё сильнее!

Знатные девицы, прикрывая губы платочками, перешёптывались, но все их взгляды были прикованы к Цзи Сы.

Цзи Сы налила Цинь Цзюнь чашечку горячего вина:

— Эта рабыня провинилась.

— Разберёмся по возвращении, — Цинь Цзюнь сжала губы и взглянула на командира стражи внизу, который жаждал определить статус незнакомки. — Командир желает задержать кого-то?